

М. Н. СПЕРАНСКИЙ

Критико-библиографические заметки о новых трудах по истории древне-русской литературы

Труды по древней и старинной русской литературе и письменности — исследования и издания памятников — сосредоточены почти исключительно в изданиях Академии Наук Союза; другие две Академии, Украинская и Белорусская, принимают участие в этих трудах, естественно, постольку, поскольку интересующие их памятники, украинские и белорусские по письму, связаны в своем прошлом с историей литературы северо-восточной, великорусской; поэтому и труды этих академий представляют интерес, разумеется, и для работ Академии Союза, внося освещение и углубляя наше знакомство с древней русской и старинной литературой, каковы, напр., издания «Комісії давнього писменства» Украинской Академии: «Слово о полку Ігоревім» (В. Н. Перетца, 1926), «Александрія» (С. А. Гаевского, 1929), «Киево-Печерський Патерик» (Д. И. Абрамовича, 1931).

Но и помимо территории Союза, именно в Западной Европе, главным образом в Германии, Чехословакии и Франции, должен быть отмечен интерес к изучению старинной и древней русской литературы в связи с тем общим интересом, который западная наука в настоящее время проявляет по отношению к истории и культуре «Востока» Европы, в частности к его литературе вообще. Интерес этот находит себе выражение преимущественно в общих изданиях по славяноведению, специальных журналах по этой отрасли науки, а также (реже) в отдельных изданиях или их сериях, каковы напр.: *Quellen und Aufsätze zur russischen Geschichte*, hgg. von K. Stählin, где с соответствующими введениями и исследованиями были изданы в немецких переводах: «Путешествие Аф. Никитина за три моря» (К. Н. Meyer), «Переписка Грозного с А. Курбским» (K. Stählin), «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» (R. Jagoditsch, 1930); в издании *Veröffentlichungen der slavistischen Arbeitsgemeinschaft an der Deutschen Universität in Prag* находим: «Новый Маргарит А. Курбского» (Ferd.

Liewehr, 1928). Дают место трудам по древней и старинной русской литературе иногда и главные славистические западные журналы: *Slavia* (Прага), *Byzantino-slavica* (там же), *Revue des études slaves* (Париж), *Zeitschrift für slavische Philologie* (Берлин); библиографические по преимуществу журналы так же отмечают труды по истории древней литературы, по мере их появления, каковы: *Naše věda* (Прага), *Slavische Rundschau* (там же). На первом, бывшем в Праге (1929) Съезде славянских филологов старая русская литература также, конечно, не отсутствовала.

Но преувеличивать интерес к старинной и древней русской литературе на Западе нет оснований. Занимая довольно скромное место в изданиях самой Академии Наук Союза, эта литература занимает еще более скромное в славистических изданиях Запада: и число специалистов по древнерусской литературе на Западе очень ограниченное, и участие русских ученых, группирующихся около изданий Академии Наук СССР, в западноевропейских изданиях по славяноведению также очень не велико. Все же просмотр, хотя бы и краткий, на протяжении последних двух-трех лет того, что появилось на Западе из области древней и старинной литературы, может дать общее, довольно определенное представление о ходе там работ по русской литературе этого времени: какой-либо систематичности, характерности в выборе тем по старинной русской литературе, тем более преобладающего направления в самой обработке этих тем мы не встретим; разнообразие интересов, соединенное с разнообразием самых условий жизни работников — единственно то общее, что можно счесть характерным для этой группы работ по исследованию древнерусской литературы. Особенно наглядно об этом можно судить по вышедшему недавно первому тому Трудов Съезда славистов в Праге (1932); с него и удобнее всего начать обзор.

Среди работ Съезда, нас интересующих в данном случае, встретим около десятка, так или иначе касающихся старой русской литературы, но к сожалению чаще в виде краткого изложения более обширной работы или даже в виде только тезисов к докладу. К числу таких докладов отнесем:¹ *Nicolas Cartoian. Livres populaires roumains traduits de slave* (стр. 37—44). Автор большой работы по румынским народным книгам времени господства славянской письменности в Молдавии и Валахии,² он на этот раз

¹ В перечне держусь порядка размещения статей в самой книге.

² *Nic. Cartoian, Cartile populare in literatura românească, vol. I. (Epoca influențe suislave)*. București 1929. Ср. отзывы о ней: *Byz.-slav.*, III, 1, стр. 232 и сл., *Slavia IX*, 646—648. Книга Картояна, в ее законченном виде, должна заменить известную, уже устаревшую, но бывшую до сих пор единственной книгой *M. Gaster'a; Literatura populără română* (1883).

дает, повидимому, одну из глав из этой работы, подвергнув анализу румыно-славяно-русские переводы сборника изречений «*Fior di virtu*», держась, в основе выводов, полученных когда-то мною относительно русских (но стоявших в связи с румынскими)¹ текстов этого собрания. Касается он также славяно-румынских отрывков «Александрии», «Повести об Акире», не внося, впрочем, чего-либо существенно нового в литературную историю этих памятников, популярных, как известно, и в старой русской письменности. Во всяком случае, и эта работа Картояна, вместе с упомянутой выше, его же, большой, дает частью новый материал для построения истории русско-румынских литературных отношений, до сих пор во многом еще не уясненных.

А. Фроловский. Легенда о Чехе, Лехе и Русе в истории славянских изучений (стр. 52—53). Тезисы доклада позволяют думать, что и самый доклад предлагал анализ истории этой легенды, ее трансформаций; на основную идею легенды автор смотрит, как на формулу идеи славянского единства.

Jan Janbów. Z literatury polskiej i ruskiej XVI—XVII w. (стр. 60—73). Речь идет о двух отрывках перевода из «Великого Зеркала», уцелевших в рукописях украинского письма (Товар. Шевченка и в Перемышле). Трудность разобраться в старопольских изданиях «*Żwierciadła wielkiego przykładbów*», не позволившая в свое время точно установить польский оригинал полного перевода «Зеркала» П. В. Владимирову и С. Л. Пташицкому, не дала возможности и автору доклада точно установить оригинал интересовавших его отрывков. Сопоставивши полный перевод «Великого Зеркала» западнорусский, распространенный в Московской Руси, с украинским текстом, можно пока сказать одно, именно, что оба перевода различны по происхождению.

Ю. А. Яворский. Значение и место Закарпатья в общей истории русской словесности (несколько справок и вех) (стр. 74—89). Различая в литературе Закарпатья (с древнейшего времени, главным образом с XVI в., и до наших дней) четыре главных периода: период славяно-русский (кончая XVI в.), средний — время преобладания народного языка в качестве литературного (XVII в. и нач. XVIII в.), латино-мадьярский (нач. XVIII в. — 40-е гг. XIX в.) и период возрождения (начало деятельности А. В. Духновича), автор приходит к выводу, что русская литература Закарпатья есть особая литература, одна из глав общерусской и общеукраинской.

¹ Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности (М., 1904), стр. 527
и сл. Ср. *Slavia*, IX, 3, стр. 615 и сл.

Філярет Колесса. Розсліди й видання словянських пам'яток апокрифічної літератури (стр. 115—132). Общий, преимущественно библиографический обзор работ русских и славянских ученых по апокрифам.

Іван Огієнко. Крехівський апостол 1560-х років (стр. 185—194). Краткое изложение большой работы того же автора, изданной по-украински в Варшаве (1930).

P. P. Ponaftescu. *La littérature slavo-roumaine (XV—XVI s.) et son importance pour l'histoire des littératures slaves.* Ценный сам по себе доклад мог бы иметь еще более существенное значение и для русской литературы, не ограничь себя автор одним общим положением: не касаясь фактов взаимоотношений между молдаво-валашской славянской письменностью и отдельными славянскими литературами, он поставил себе целью сделать в этом отношении лишь первый шаг: выяснить, что приобрела и сохранила эта молдаво-валашская письменность (преимущественно XV и XVI вв.) в качестве материала для истории славянских литератур; с этой целью он перечисляет югославянские памятники письма и литературы, (преимущественно религиозно-церковные) перенесенные в молдаво-валашскую среду, останавливается на самостоятельных, на славянском языке, созданных в Молдавии и Валахии памятниках (хроники, Поучение Нягоя, труды Цамблака). Уже на основании этого перечня можно бы поставить вопрос о влиянии молдаво-валашской письменности на русскую: я имею в виду хотя бы появление рукописей молдавского письма на русской почве, создание здесь (главным образом на юге) особой каллиграфической манеры письма, несомненно, идущей из Валахии и Молдавии, и др.

М. В. Шахматов. Славянская идея у древнерусских книжников (стр. 383—390). Автор, интересующийся в своих работах философскими и идейными течениями в старой русской литературе,¹ в докладе решил проследить по летописным сводам идею о единстве «славянского языка» в ее последовательных изменениях в XV—XVI вв., объясняя в связи с этой идеей и тенденциозность летописей и Степенной книги; в XVI и XVII вв. он намечает новое видоизменение этой идеи в Московской Руси в связи с идеей «Третьего Рима» и западными влияниями здесь.²

¹ Ему принадлежит, между прочим, статья «Платон в древней Руси», Записки Русского исторического общества в Праге, II (1930). В той же книжке, кстати сказать, помещена статья на ту же тему Д. И. Чижевского; о них см. Вуз.-slav. III, 4, стр. 271, 272.

² Этому же вопросу о «Третьем Риме» была посвящена обстоятельная, сводного характера работа, вышедшая в Гамбурге: Hildegard Schraeder, *Moskau, das dritte Rom* (1929) Ср. рецензии Вуз.-slav., II, 1 (1930), стр. 142—144 (М. В. Шахматов), *Slavia*, IX, 4, стр. 630, 631 (А. Кизеветтер).

В тех же трудах Съезда намечены были и библиографические работы, касающиеся, судя по их планам, и древнерусской литературы.

Jelačić Aleksije. Iz istorije rusko-jugoslavenskih odnosa i njihova izučavanja (стр. 90—92). Приведены только тезисы, судя по которым, работа Елачича имеет преимущественно характер библиографический.

А. Л. Погодин. Библиография русско-сербских отношений (стр. 282). Проект указателя того же характера; по предложению А. Л. Погодина Съезд постановил обратиться в Сербскую Академию Наук с просьбой взять на себя печатание этого указателя.

С. М. Кульбакин. О потреби да се састави потпун преглед славенских рукописа (стр. 557). Указавши на нестроту планов печатавшихся до сих пор описаний рукописей, на недостатки этих описаний, К. настаивает на одном, заранее установленном плане и издании одного общего свода описаний всех сохранившихся словянских рукописей.

Ближайшая наследница (как по плану, так и по выполнению его) Ягичева «Архива»¹ пражская «Slavia» отводит значительное место русским сотрудникам и статьям, посвященным русской литературе. Среди последних есть, правда, в очень небольшом количестве, и статьи по древнерусской литературе; таковы в IX и X томах (1930—1931 гг.) журнала:

Ю. А. Яворский. К вопросу о литературной деятельности Ермолая-Еразма, писателя XVI в. (IX, 57—80; 273—299). Статья вызвана монографией о Ермолае-Еразме В. Ф. Ржиги (Летопись занятий Археогр. комиссии АН, вып. XXXIII, 1926, 103—200) и представляет довольно строгий разбор этой, во всяком случае ценной, монографии. Критик направляет свои удары главным образом на устанавливаемый В. Ф. Ржигой перечень литературных трудов Ермолая-Еразма: из числа 16 произведений, принадлежащих или могущих принадлежать Еразму, принимаемых Ржигой (из них пять несомненно, с большей долей вероятности — шесть, и пять сомнительно принадлежат Еразму), Ю. А. Яворский признает принадлежащими ему шесть, но отчасти иных, нежели В. Ф. Ржига, именно: 1) Поучение к душе (то же у Р.), 2) Моление (или Послание) к царю (то же Р.), 3) Книгу о св. троице (то же Р.), 4) так наз. «Малую трилогию» (т. е.: Слово на еретики, Слово на жиды и еретики и Молитва на сто стихов; у Р. — вероятно), 5) Зрячую Пасхалию (то же у Р.) и 6) Правительница и землемерие

¹ Archiv für slav. Philologie, как известно, продолжал выходить под ред. проф. Э. Бернекера в Берлине, но он значительно утратил свое прежнее значение и по отсутствию достаточно деятельных сотрудников и в зависимости от появившегося ряда других славистических журналов.

(у Р. — вероятно); еще два сочинения: Слово о рассуждении любви и Тропари, относит к сомнительным; остальные восемь сочинений, внесенные в список В. Ф. Ржигой, он решительно отвергает, считая самые принципы, на которых строилось приурочение, неприемлемыми (особенно нахождение этих произведений в одной и той же рукописи с подлинными сочинениями Еразма). Особенно же энергично восстает он против принадлежности перу Еразма «Повести о Петре и Февронии Муромских», не соглашаясь прежде всего с предлагаемым В. Ф. Ржигой распределением многочисленных списков «Повести» на редакции, как построенным лишь на формальном анализе текстов. Если в своих других возражениях Ю. А. Яворский исходит из соображений не фактических, а общего характера (почему они, допуская иные такого же характера, становятся не всегда убедительными), то по отношению к «Повести» он приводит как будто и фактический довод: «Служба» Петру и Февронии, где есть прямой отголосок «Повести» (о змии), вне всякого сомнения существовала уже в XV в., т. е. до Еразма. Если это возражение и серьезно, то оно еще вовсе не решает вопроса о принадлежности «Повести» Еразму в отрицательном смысле: он был составителем или редактором (ср. у Ю. А. Я. на стр. 49. отд. отт.) на основании хотя бы и до него существовавшей «Повести о Петре и Февронии»; чтобы согласиться с Ю. А. Яворским, мы должны быть уверены, что неизвестный составитель «Службы» имел под рукой и взял свой отголосок именно из той редакции ее, которую В. Ф. Ржига связывает с авторством Еразма; а пока это не доказано, сама показательная ссылка на «Службу» остается не убедительной.

Из остальных замечаний Ю. А. Яворского по поводу работы В. Ф. Ржиги заслуживают внимания: его попытки внести более точное хронологическое приурочение отдельных произведений Еразма взамен более общих определений (десятками столетия); указание на возможность не только идейной, но и фактической связи «Правительницы» Еразма с «Челобитной» Ив. Пересветова. Новых фактических данных для объяснения деятельности Еразма рецензент не привлекает.

Уже самое расхождение двух исследователей по существенным вопросам о литературной деятельности Ермолая-Еразма, помимо крупного литературного и общественного ее значения для XVI в., должно будет повести к новому пересмотру этих вопросов, привлечению новых данных.

В. Ф. Ржига. Повесть о Горе и Злочастии и песни о Горе (X, 40—66; 488—315). Изучение повести второй половины XVII в., как новой разновидности этого жанра, отмечаемой установлением связи между

книжной повестью прежнего времени и произведениями устной словесности, — очередной вопрос в истории старинной русской литературы времени ее перехода к «новой». В этом смысле работа В. Ф. Ржиги представляет не малый интерес и шаг вперед в истории литературы, несмотря на ряд предшествовавших работ о «Повести о Горе и Злочастии» (Буслаева, Костомарова, А. Веселовского, Маркова и др.). Он поставил себе задачей — ближе подойти к литературным особенностям «Повести» путем детального ее стилистического анализа сравнительно с произведениями устной словесности, постоянно имея в виду традиционность стилистических приемов последней; поэтому он тщательно — с почти исчерпывающей полнотой — сопоставляет «Повесть» с былинной (приемы и формулы стиля, художественные образы), затем сопоставляет ее с аналогичными по содержанию (песни о Горе) лиро-эпическими и лирическими устными песнями как великорусскими, так и белорусскими и украинскими. Результат этого сложного, кропотливого анализа таков: «„Повесть“ интересна как литературное явление, тесно соединяющее в себе не только элементы фольклора и книжности, но и старинного агиографического письма и новой манеры обобщенного реалистического повествования» (стр. 66). Сравнительное же изучение устных песен о Горе и «Повести» привело автора к такому наблюдению: среди этих песен различаются две версии, из коих одна, архаическая, приурочена к образу девицы и хранит в себе следы дохристианских представлений о судьбе, и другая, исключительно великорусская, приурочена к образу молодца и стоит в генетической зависимости от «Повести»: «Повесть», как сложный синтез различных книжных и фольклорных элементов, снова опустилась в фольклорную среду и вызвала в ней ряд лирических и лиро-эпических новообразований (стр. 314, 315).

А. Д. Седелников. Где была написана «Задонщина»? (IX, 524—536). Пересмотревши литературную традицию всех немногочисленных известных списков «Задонщины», ознакомившись с условиями литературной обстановки, в каких могла появиться «Задонщина», автор заметки находит возможным принять, что Задонщина создавалась в Пскове, если составитель ее Софония и был рязанцем, т. е. был выходцем из Рязанского княжества.

Н. Н. Дурново. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе (труд В. М. Истрина, т. III). — Рецензия (IX, 801—815). В своем отзыве о первых двух томах труда В. М. Истрина (Slavia, IV, 1925 стр., 446—450) Н. Н. Дурново нашел возможным предположить, что переводчиком Амартола был русский, но работавший с более опытными

переводчиками югославянами. Теперь, указавши попутно на недочеты словарей, составленных издателем, он несколько видоизменяет свои соображения о переводчике Амартола: возражая на появившиеся после его первого отзыва мнения о национальности переводчика (по М. Вейнгарту — болгарин, по П. А. Лаврову — чех или мораванин), он не вполне соглашается и с В. М. Истриным в степени участия нерусских людей в переводе Амартола: он полагает, что перевод делался группой («комиссией») переводчиков, в состав которой, помимо русских, переводивших более легкие места, входили и нерусские славяне; в числе последних были и чехи или мораване.

В «Byzantinino-slavica» III (1931), 1—2 и IV, I (1932) следует отметить единственную статью, имеющую прямое отношение к истории древнерусской литературы:

В. М. Истрин. Моравская история славян и история полян-руси, как предполагаемые источники начальной русской летописи (стр. 308—331 и 36—55). Статья написана по поводу исследования Н. К. Никольского «Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры» (вып. I, 1929, изд. Акад. Наук; исследование предполагает и дальнейшие выпуски). Н. К. Никольский, как видно из его монографии,¹ подводит под текстуально-литературный анализ А. А. Шахматова работы редакторов и писцов начальной русской летописи идеологическую базу. В этой литературной работе, результатом которой является русское летописание, Н. К. Никольский видит следы борьбы двух идейных направлений: старшего, идущего еще из X в., и младшего, выработавшегося уже в XI в.; первое идет от западного славянства, второе — греческое, начавшееся в киевском Печерском монастыре и окончательно овладевшее умами. Для обоснования действительного существования этой «старшей» идеологии Н. К. Никольский строит предположение, главным образом на «умолчаниях» дошедшей летописи о тех или иных важных событиях, о существовании еще до начала того летописания, которое нам доступно, «схемы утраченных повестей поляно-руси, зависевших от западнославянской хронографии», почему и относится отрицательно к влиянию византийской хронографии на эти утраченные повести о поляно-руси и этим объясняет отличия схемы нашей начальной летописи от византийской схемы. Против этого построения Н. К. Никольского и возражает В. М. Истрин: опираясь на свои прежние исследования о возникновении русского летописания (имея в виду главным образом так наз. «Хронограф по

¹ Этот труд Н. К. Никольского был уже отмечен в *Slavische Rundschau*, IV (1931), стр. 31.

великому изложению»), он считает не доказанной необходимость предполагать существование повести о поляно-руси, в качестве одного из источников начальной летописи, находит и не нужным предполагать существование таких повестей для объяснения недомолвок и намеков в дошедшем до нас летописании: они объясняются и при признании византийских источников и схемы наших летописей. На этом пока остановились возражения В. М. Истрина.

Некоторое отношение к истории старинной русской литературы имеет статейка А. Mazon' «Mikoula, le prodigieux laboureur» в *Revue d'études slaves* (XI, 1931, 3—4, стр. 149—170). Приведенное впервые М. Е. Халанским (Р. Ф. В., 1881, № 4) в качестве литературной параллели к мотиву пахоты в былинах о Микуле апокрифическое сказание о том, как Христос плугом орал (стр. 478), и поддержанное Б. М. Соколовым (Р. Ф. В., 1916, № 3 стр. 15 отд. отд.), принято и А. Мазоном: расклассифицировавши различные записи былин о Микуле по версиям, охарактеризовавши композицию ее, автор подчеркнул составность этой композиции из различных элементов и различных источников, одним из которых он и принимает апокрифическую повесть. В конце статьи им перепечатан по изданию Ягича в *Starin'ax* (V) берлинский текст сказания по рукописи XIII в.
